

Кумиры

Глядя на эту лёгкую на подъём, живую, задорную с заразительным хохотом женщину, трудно предположить, что совсем недавно она встретила свой «золотой» юбилей.

Впрочем, к своему возрасту, как и к наградам и успехам, она тоже относится легко. Может, такой у солистки Магнитогорского театра оперы и балета Светланы Жинжиковой характер. А может, защитная реакция. Ибо были в её жизни и невзгоды, и большая любовь, и буквально судьбоносные решения, одно из которых привело её, почти москвичку, в Магнитогорск.

Светлана Владиславовна вообще-то родилась на Кубани – там училась её влиятельная мама, получившая в шестидесятые годы прошлого года аж два высших образования – юридическое и экономическое. Естественно, даму столь высоких познаний не мог не заметить только начинающий тогда карьеру Михаил Горбачёв. Словом, в те времена, когда Света Жинжикова – тогда ещё Рыбина – начинает помнить себя, она уже была дочкой министра лёгкой промышленности Латвийской ССР, жила в шикарной квартире в центре Риги и из-за постоянной занятости родителей везде ездила с министерским водителем.

– Возглавить лёгкую промышленность республики маму в 1969-м году попросили сами латыши, – Светлана Владиславовна охотно говорит о матери, которую очень любила. – За работу взялась активно: духи «Дзинтарс», за которыми гонялся весь Советский Союз, не менее известное женское бельё, трикотаж – это всё моя мамочка. Не знаю, где она брала французские журналы, но именно по ним, можно сказать, «учились» латышские дизайнеры. И весь СССР поехал в Латвию за трусиками «неделька», кружевным бельём, модными дофточками и, разумеется, ярким детским трикотажем.

А в это время в детский сад, который, как и все советские дети, посещала Света, пришли люди из музыкальной школы – прослушивать детей в поиске потенциальных учеников. В числе других ей сказали приехать в музыкальную школу – туда её повёз папа.

– По итогам прослушивания сказали, что с моим абсолютным слухом сам Бог велел заниматься на скрипке или виолончели, – смеётся Светлана Владиславовна. – Что такое скрипка, папа, разумеется, знал, а вот о виолончели представления не имел – и отдал меня «на неё».

Между прочим, она была замечательной виолончелисткой – побеждала в конкурсах, приносила домой, как говорит сама, «...всякие медалки, дипломы». А дома под фортепиано пела для души – Пугачёву, Ротару, Матье... И даже подрабатывала – пела по вечерам в ресторанчике рядом с домом: Латвия, хоть и советская, нравом была ближе к Европе, где зарабатывать с детства считалось делом нормальным. Однажды выпить чашечку кофе в ресторанчик зашла преподаватель по вокалу Рижской консерватории, прима местного оперного театра, заслуженная артистка республики Аустра Тауриня: «Света, у вас такой красивый голос, не хотите заниматься у меня?» Поупиралась пару месяцев, но – сдалась. И в дипломе виолончелистки по окончании музыкального училища была приписка: академический вокал.

И – первый судьбоносный выбор: оставаться виолончелисткой в рижской консерватории, куда её брали без экзамена, или по настоянию Аустры ехать в Москву продолжать учиться вокалу? Она выбрала столицу – и влиятельная мама её поддержала.

– На дворе стоял уже восьмидесят пятый год, начинались косые взгляды на русских, и мама, очень тонко чувствовавшая национа-

Влюблённая в сцену

Светлана Жинжикова: «Я никогда не любовалась собой – работаю, получаю удовольствие и стараюсь дарить его публике»

Светлана Жинжикова

© Евгений Рухманов

листические настроения, сказала мне: надо уезжать, – рассказывает Светлана Владиславовна. – Через некоторое время начались нападки и на неё, мама не стала держаться за место, сложила с себя полномочия и ушла с работы. Дома начала заниматься цветами, изготавливать потрясающей красоты букеты, венки – это стало неплохим домашним бизнесом.

Но вернёмся к Светлане. В консерваторию она не поступила, но сама оперная дива Ирина Архипова подошла к ней: «Хотите учиться у меня на подготовительном курсе?» А Светлана так мечтала после жизни под маминим крылом о самостоятельности и общежитии! Она отказалась от щедрого предложения примы и поехала в Петрозаводск – филиал Петербургской консерватории, который и окончила с успехом.

В Петрозаводске её ждала и самая большая в жизни любовь – духовик Юрий, который и подарил потом Светлане руку, сердце и фамилию. Жинжикова не скрывает: жених буквально застил свет – она смотрела на мир его глазами и дышала его воздухом. Но потом поехала в Москву на мастер-класс Архиповой, которые та давала каждый месяц. Великая певица внимательно по-

смотрела на девушку: «А я вас помню – по голосу». Отправила Жинжикову на конкурс в Карловы Вары, откуда она вернулась с дипломом и призом зрительских симпатий. А потом предложила учиться у неё в аспирантуре. Разумеется, Светлана приняла предложение и переехала в Москву. Через полгода, не выдержав разлуки, из Петрозаводска в столицу перебрался и Юрий – началась семейная жизнь, учёба и работа: она пела в театре оперы и балета имени Станиславского и Немировича-Данченко, он – в камерном и симфоническом оркестрах.

Ей прочли большое будущее: Ирина Константиновна Архипова учила мыслить масштабно и, прежде чем приступить к изучению арии, полностью выстроить образ героини, от которого и отталкиваться в исполнении. А преподаватель по камерному пению Вера Кудрявцева – отталкиваться в произведении от текста, понимать и чётко произносить, о чём поёшь. Вере Николаевне, вдове великого Лемешева, тогда было уже под восемьдесят, и Светлана ходила заниматься к ней домой. Затаив дыхание, рассматривала старые фотографии, с которых улыбались все её кумиры.

Творческая и семейная идиллия

продолжалась всего полтора года. Но страшная трагедия, случившаяся в Магнитогорске в семье Юрия, который был родом из нашего города, требовала немедленного его приезда на довольно длительный срок. Для Светланы вопрос: остаться в Москве или всё бросить ради любимого, даже не стоял:

– Для меня семья всегда на первом месте, – говорит она. – Всегда. Ирина Константиновна, с которой у меня сложились почти дочерние отношения, меня поняла, сказав: «Поезжай, иначе никогда себе не простишь. А я тебя ждать буду».

Почему-то все полагали, что решение семейных дел в Магнитке займёт год-два, а дальше Жинжиковы снова вернутся в Москву. Однако Магнитогорск не отпускает уже двадцать лет.

И хотя певица признаётся: родным наш город ей так и не стал, всё же утверждает, что ни о чём не жалеет

Семья мужа стала её семьёй, да и с работой и возможностью творить всё получилось сразу.

– Когда приехали в Магнитку в

девяносто седьмом, даже не знали, что в Магнитогорске есть театр оперы и балета, – вспоминает Светлана Жинжикова. – Он, впрочем, только открывался, готовил к премьере «Кармен». Я устроилась на работу в капелле, муж – в консерваторию.

Капелла подарила два года плодотворной работы. Светлана Владиславовна исполняла сольные партии в крупных произведениях – «Реквием» Верди, «Страсти по Матфею» Баха... Одновременно была иллюстратором в консерватории, а потом пришло приглашение и из театра оперы и балета. Её великолепный голос слышали все любители оперы: «Кармен», «Травиата», «Чио-чио-сан» и даже Розина из «Севильского цирюльника» – правда, транспонированную чуть ниже для меццо-сопрано. Между тем, ведь у Жинжиковой контраalto – и карьеру свою в Москве она начинала с мальчика Вани из «Ивана Сусанина» и Леля из «Снегурочки». Но в Магнитогорске эти оперы не ставят – пришлось «тянуться» до меццо-сопрано, что у Жинжиковой получается прекрасно.

Сегодня Светлана Владиславовна переживает переходный творческий период – смеётся: из героинь уже «выросла», до старушек не доросла, приходится играть ключницы да чокнутых мамашек из оперетт. Но на судьбу не ропщет – радуется любой работе, лишь бы быть на сцене, которую она обожает. Спрашиваю: вы любите себя в искусстве или искусство в себе? Она отмахивается со смехом:

– Да не по мне все эти рассуждения, я в себя никогда не вглядывалась, не любовалась собой: работаю, получаю удовольствие, стараюсь дарить его публике.

А ещё она уверена, что главное в жизни – любовь. Пытаюсь философствовать: людей, которые ради любви без раздумий кладут на алтарь всё – карьеру, планы, одни считают абсолютными глупцами, другие – абсолютными счастливыми, которым довелось пережить это самое высокое чувство. Она смеётся: «А я счастливый глупец, получается, – и тут же добавляет: – Но очень счастливый».

Кстати, а что же Москва? Она действительно ждала, звала... А потом ввела неподъёмную плату за право восстановиться в аспирантуре. А без неё и любимого мужа, который решил остаться в Магнитогорске, зачем ей столица? Правда, бывает, и сейчас ей звонят столичные друзья и коллеги, зовут с собой на гастроли. И она ездит, когда может.

– Ну, не стал мне этот город родным, да и я ему родной не стала, – с горечью улыбается Светлана Жинжикова. – Съезжу попеть, дохну свежого воздуха – и опять всё хорошо.

Вот и свой «золотой» юбилей она встретила на гастролях – правда, в близлежащем к Магнитогорску селе, но какое для артистки это имеет значение? Главное – что она нужна публике.

Ну и последний вопрос: о чём мечтает умудрённая возрастом Светлана Жинжикова? Она задумывается на секунду.

– В последнее время мечтаю о путешествиях. Я, представляете, даже в родной Риге не была уже лет десять. Сердце шемит: там даже воздух пахнет совсем по-другому, нигде в мире больше нет такого. Или чудесная Юрмала, по которой можно гулять до бесконечности... Просто невероятно: чтобы вернуться с собой, теперь я должна оформлять чужую шенгенскую визу. Хочу поехать к морю – для этого нужно много денег, а для того, чтобы они были, – много работать. Значит, мечтаю о том, чтобы работы было как можно больше.

Возражаю: но ведь тогда на отдых времени не останется! Она смеётся:

– Значит, будем работать!

Рита Давлетшина